

Чувствительный и холодный

Дух системы заставлял разумных людей утверждать многие странности и даже нелепости: так, некоторые писали и доказывали, что наши природные способности и свойства одинаковы; что обстоятельства и случаи воспитания не только образуют или развивают, но и дают характер человеку вместе с особенным умом и талантами; что Александр в других обстоятельствах мог быть миролюбивым брамином, Эвклид - автором чувствительных романов, Аттила - нежным пастушком, а Петр Великий - обыкновенным человеком! Если бы надобно было опровергать явную ложь, то мы представили бы здесь множество хорошо воспитанных, множество ученых людей, которые имеют все, кроме - чувства и разума... Нет! Одна природа творит и дает: воспитание только образует. Одна природа сеет: искусство или наставление только поливает семя, чтобы оно лучше и совершеннее распустилось. Как ум, так и характер людей есть дело ее: отец, учитель, обстоятельства могут помогать его дальнейшим развитиям, но не более. - Привязывает ли натура умственные способности и нравственные свойства к некоторым особенным формам или действиям физического состава, мы не знаем: это ее тайна. Система Лафатера и доктора Галя кажется нам по сие время одною игрою воображения. Сам почтенный и благоразумный Кабанис, изъясняя свойством твердых частей и жидкостей счастье и несчастье жизни - нрав, страсти, печаль и веселье, - не берется измерить и развесить по-аптекарски, сколько чего надобно для произведения гения, математика, философа, стихотворца, злодея или добродетельного мужа.

Как бы то ни было, мы видим в свете людей умных и чувствительных, умных и холодных, от колыбели до гроба, согласно с русскою пословицею; и нравственное свойство их так независимо от воли, что все убеждения рассудка, все твердые намерения перемениться нравом остаются без действия. Лафонтен сказал:

Мы вечно то, чем нам быть в свете суждено.
Гони природу в дверь: она влетит в окно!

Правда, что сию неволю знают одни чувствительные; холодные всегда довольны собою и не желают перемениться. Одно такое замечание не доказывает ли, что выгода и счастье на стороне последних? Первые, без сомнения, живее наслаждаются; но как в жизни более горестей, нежели удовольствий, то слабее чувствовать те и другие есть выигрыш. "Боги не дают, а продают нам удовольствия", - сказал греческий трагик; "И слишком дорого", - можно примолвить, так что мы с покупкою остаемся в глупцах. Но чувствительный есть природный мот: он видит свое разорение, борется с собою и все покупает.

Однако ж, любя справедливость, заметим и свойственные ему преимущества. Равнодушные люди бывают во всем благоразумнее, живут смиреннее в свете, менее делают бед и реже расстроивают гармонию общества;

но одни чувствительные приносят великие жертвы добродетели, удивляют свет великими делами, для которых, по словам Монтаня, нужен всегда "небольшой примес безрассудности" - "un peu de folie", они-то блистают талантами воображения и творческого ума: поэзия и красноречие есть дарование их. Холодные люди могут быть только математиками, географами, натуралистами, антиквариями и - если угодно - философами!..

Мы имели случай узнать историю двух человек, которая представляет в лицах сии два характера.

Эраст и Леонид учились в одном пансионе и рано сделались друзьями. Первый мог назваться красавцем: второй обращал на себя внимание людей отменно умным лицом. В первом с самого младенчества обнаруживалась редкая чувствительность: второй, казалось, родился благоразумным. Эраст удивлял своим понятием, Леонид - прилежанием. Казалось, что первый не учится, а только воспоминает старое; второй же никогда не забывал того, что узнавал однажды. Первый, от излишней надежности на себя, откладывая всякое дело до последней минуты, иногда не выучивал урока; второй знал его всегда заблаговременно, все еще твердил и не верил своей памяти. Эраст делал иногда маленькие проказы, ссорился с товарищами и нередко заслуживал наказание; но все его любили. Леонид вел себя тихо, примерно и не оскорблял никого; но его только хвалили. Одного считали искренним, добродушным: таков он был в самом деле. Другого подозревали в хитрости и даже в лукавстве: но он был только осторожен. - Их взаимная дружба казалась чудною: столь были они несходны характерами! Но сия дружба основывалась на самом различии свойств. Эраст имел нужду в благоразумии, Леонид - в живости мыслей, которая для его души имела прелесть удивительного, Чувствительность одного требовала сообщения; равнодушие и холодность другого искали занятия. Когда сердце и воображение пылают в человеке, он любит говорить; когда душа без действия, он слушает с удовольствием. Эраст еще в детстве пленялся романами, поэзией, а в истории более всего любил чрезвычайности, примеры геройства и великодушия. Леонид не понимал, как можно заниматься небылицами, то есть романами! Стихотворство казалось ему трудною и бесполезною игрою ума, а стихотворцы - людьми, которые хотят прытко бегать в кандалах. Он читал историю с великою прилежностью, но единственно для того, чтобы знать ее, не для внутреннего наслаждения, но как вокабулы или грамматику. Мудрено ли, что мнения друзей о героях ее были несогласны? Эраст превозносил до небес великодушие и храбрость Александра: Леонид называл его отважным безумцем. Первый говорил: "Он победил вселенную!" Второй отвечивал: "Не зная, для чего!" Эраст обожал Катона, добродетельного самоубийцу: Леонид считал его помешанным гордецом. Эраст восхищался бурными временами греческой и римской свободы: Леонид думал, что свобода есть зло, когда она не дает людям жить спокойно. Эраст верил в истории всему чрезвычайному: Леонид сомневался во всем, что не было согласно с обыкновенным порядком вещей. Один спрашивался с воображением пылким, а другой - с флегматическим своим характером.

Как мнения, так и поступки наших друзей были различны. Однажды дом, где они учились и жили, загорелся ночью: Эраст вскочил с постели неодетый, разбудил Леонида и других пансионеров, тушил огонь, спасал драгоценные вещи своего профессора и не думал о собственных. Дом сгорел, и Эраст, обнимая друга, сказал с великодушным чувством: "Я всего лишился; но в общих бедствиях хорошо забывать себя..." - "Очень дурно, - отвечал Леонид с хладнокровием, - человек создан думать сперва о себе, а там о других; иначе нельзя стоять свету. Хорошо, что мне удалось поправить твою безрассудность: я спас и сундуки и книги наши". Так Леонид мыслил и поступал на шестнадцатом году жизни. - В другой раз они шли по берегу реки: в глазах их мальчик упал с моста. Эраст ахнул и бросился в воду. Леонид хотел удержать его, но не успел; однако ж не потерял головы, даже не закричал, а только изо всей силы пустился бежать к рыбакам, которые вдали расправляли сети, - бросил им рубль и велел спасти Эраста, который уже тонул. Рыбаки через пять минут вытащили его вместе с мальчиком. Леонид бранил своего друга: называл глупцом, безумным; однако ж плакал... Редкая чувствительность холодных людей бывает тем заметнее и трогательнее. Эраст целовал его и восклицал: "Я жертвовал собою для спасения человека, обязан жизнью другу и вижу слезы его: какое счастье!"

Они в одно время оставили пансион и вместе отправились в армию. Эраст твердил: "Надобно искать славы!" Леонид говорил: "Долг велит служить дворянину..." Первый бросался в опасности - другой шел, куда посылали его. Первый от излишней запальчивости скоро попался в плен к неприятелю; другой заслужил имя хладнокровного, благоразумного офицера и крест Георгия при конце войны. Мир освободил Эраста... Как искренно радовался он возвышению друга, который далеко опередил его в чинах воинских! Ни малейшая тень зависти не омрачила его доброго, чистого сердца. - Оба вместе перешли они в гражданскую службу. Леонид занял место совсем не блестящее и трудное; Эраст вступил в канцелярию знатнейшего вельможи, надеясь своими талантами заслужить его внимание и скоро играть великую роль в государстве. Но для успехов честолюбия нужны гибкость, постоянство, холодность, терпение; Эраст же не имел никоторого из сих необходимых свойств. Он писал хорошо; но, вручая бумагу министру, гордым взором не просил снисходительного одобрения, а требовал справедливой хвалы; не боялся досадить ему: боялся только перед ним унижаться. "Пусть он знает, - говорил Эраст Леониду, - что я служу государству, а не ему, и соглашаюсь на время трудиться в неизвестности, чтобы стать некогда на ту степень, которая достойна благородного честолюбия и на которой дела мои будут славны в отечестве!.." - "Любезный друг! - отвечал Леонид. - Никакие таланты не возвысят человека в государстве без угождения людям; если не хочешь служить им, то они не дадут тебе способа служить и самому отечеству. Не презирай нижних ступеней лестницы: они ведут к верхней. Искусный честолюбец только изредка взглядывает на отдаленную цель свою, но беспрестанно смотрит себе под ноги, чтобы идти к ней верно и не обступиться..." Сей медленный, благоразумный ход не мог нравиться пылкому Эрасту. Иногда он работал с

удивительным прилежанием; иногда, утомленный делами, искал отдохновения в светских рассеяниях. Но сей опасный, мнимый отдых мало-помалу обратился для него в главное дело жизни.

Эраст был молод, прекрасен, умен и богат: сколько прав наслаждаться светом! Женщины ласкали его, мужчины ему завидовали: сколько приятностей для сердца и самолюбия! Он сократил вечера для работы, чтобы продлить их для удовольствий общества, находя, что одобрительная улыбка министра не так любезна, как нежная улыбка прелестных женщин. К чести его скажем, что он, забывая должность, стыдился внутренно своей неисправности; однако ж не хотел сносить ни малейших выговоров и всякий раз отвечал на них требованием отставки. Министр его был человек добрый и рассудительный, но человек: он вышел из терпения - и Эраст сделался наконец свободным, то есть праздным.

"Поздравь меня с любезною вольностию! - сказал он Леониду, вбежав в кабинет к нему. - Мне запретили быть полезным государству: никто не запретит мне быть счастливым". Леонид пожал плечами и с холодным видом отвечал другу: "Жалею о тебе! Человеку в двадцать пять лет не позволено жить для одного удовольствия".

Разумеется, что Эраст, взяв отставку, тем ревностнее служил грациям. Он был истинно чувствителен: следственно, хотел еще более любить, нежели нравиться. Скоро очарование нежной страсти представило ему свет в одном предмете и жизнь в одном чувстве... Блаженный любовник, забыв вселенную, вспомнил только о друге и летел к нему говорить о своем счастье.- Снисходительный Леонид оставлял приказные бумаги и слушал его; но часто, облокотясь на камин, дремал среди самых живых описаний нового Сен-Прё, который иногда в жару сердечного красноречия не видал того; иногда же, пораженный усыпительным действием своих, как ему казалось, чрезмерно любопытных рассказов, говорил с жалким видом: "Ты дремлешь!.." - "Мой друг! - отвечал Леонид. - Вы, любовники, имеете обыкновение твердить сто раз одно; а всякие ненужные повторения склоняют меня к дремоте". Леонид держался Бюффоновой системы, и нравственная любовь казалась ему дурною выдумкою ума человеческого. Эраст называл его грубым, бесчувственным, камнем и другими подобными ласковыми именами. Леонид не сердился, но стоял в том, что благоразумному человеку надобно в жизни заниматься делом, а не игрушками разгоряченного воображения. - Споры друзей продолжались - и не решились; но Эраст оставлял иногда обожаемую красавицу, чтобы ехать к Леониду и доказывать ему неописанное счастье, каким любовник наслаждается в присутствии любовницы! Хладнокровный философ наш улыбался...

Он находил и другие случаи торжествовать над своим противником. Давно уже сравнивают любовь с розою, которая пленяет обоняние и глаза, но колет руку: к несчастью, терние долговечнее цвета!.. Эраст, наслаждаясь восторгами, испытывал и неудовольствия: иногда сам скучал, иногда им скучали; иногда страдал от своей верности, иногда мучился от непостоянства любовниц. Надобно заметить, что и самые блестящие молодые люди по большей части входят в связи с женщинами ветреными, которые избавляют

их от трудного искания: мудрено ли, что любовь и непостоянство имеют почти одно значение в свете? Эраст со слезами бросался иногда в объятия к верному другу, чтобы жаловаться ему на милых обманщиц. Леонид в таких случаях поступал великодушно: утешал его и не думал смеяться над бедным страдальцем. Но искренний Эраст сам любил обвинять себя, проклинал заблуждения страстей, писал едкие сатиры на кокеток и сперва читал их только другу - а через несколько дней женщинам - а через несколько дней бросал в огонь, снова пленяясь каким-нибудь ангелом: ибо всякая томная прелестница, которая брала на себя труд уверить его в любви своей, обыкновенно казалась ему существом небесным, и Леонид снова должен был засыпать, слушая красноречивые описания милых ее свойств и чувствительности. - Одним словом, Эраст или блаженствовал, или терзался, или, в отсутствие живых чувств, томился несносною скукою. Леонид не знал счастья, но не искал его и был доволен мирным спокойствием души ясной и кроткой. Первый умом обожал свободу, но сердцем зависел всегда от других людей; второй соглашал волю свою с порядком вещей и не знал тягости принуждения. Эраст иногда завидовал равнодушию Леонидову; Леонид всегда жалел о пылком Эрасте.

Сей последний уехал наконец из П * - следом за одною красавицею, - оставив Леонида больного; дорогою беспокоился, считал себя преступником в дружбе, хотел десять раз воротиться, но между тем въехал уже в М-у - откуда через несколько дней известил друга о своей женитьбе... "Уверенный, - писал он, - многими опытами, что все нежные связи, основанные только на удовольствии, не могут быть надежны и, разрываясь, оставляют в сердце горечь о минувшем заблуждении, я прибегнул к союзу, освященному мнением и законом! Вечность его пленяет душу мою, утомленную непостоянством". - Эраст заклинал друга спешить к нему в объятия и быть свидетелем его истинного счастья. Леонид скоро явился в М *... Обрадованный Эраст бросился к нему навстречу, говоря: "Теперь вижу опыт нежной дружбы твоей!.." - "Я отпросился в отпуск, - сказал Леонид равнодушно, - чтобы ехать в свою деревню. Мне через М-у дорога..." И в самом деле уехал через два дни.

Эраст и самому себе и другим казался счастливым: Нина, супруга его, была прекрасна и мила. Он наслаждался вместе и любовью и покоем; но скоро заметил в себе какое-то чудное расположение к меланхолии: задумывался, унывал и рад был, когда мог плакать. Мысль, что судьба его навсегда решилась, - что ему уже нечего желать в свете, а должно только бояться потери, - удивительным образом тревожила его душу. Мы никогда не изъясним сего чувства холодным людям: оно покажется им безумием, но делает самых счастливых несчастными. Воображение, которому навеки занятое сердце не позволяет уже искать таинственного блаженства за отдаленным горизонтом, как будто бы сгущает своим бездействием и рождает печальные фантомы вокруг нас.

В сем расположении Леонид нашел Эраста, возвратясь из деревни в М-у, и дал слово прожить с ним несколько времени. Нина желала показаться ему любезною: мудрено ли? Эраст так неумеренно хвалил его! И друзья

мужей, как известно, имеют великие права на ласку жен. Леонид, всегда равнодушный и спокойный, был тем занимательнее в обществе; сердце никогда не мешало уму его искать на досуге приятных идей для разговора. К тому же мы заметили, что холодные люди иногда более чувствительных нравятся женщинам. Последние с излишнею скоростью и без всякой экономии обнаруживают себя, а первые долее скрываются за щитом равнодушия и возбуждают любопытство, которое сильно действует на женское воображение. Хочется видеть в пылкой деятельности сердце флегматическое, хочется оживить статую... Но без дальнейших изъяснений скажем, что Леонид вдруг - уехал в П *, не простившись ни с хозяином, ни с хозяйкою.

Эраст изумился и спешил к жене своей... Нина обливалась слезами, писала и хотела скрыть от него бумагу. Он вырвал письмо из рук ее... Бедный муж, но друг счастливый!.. Открылось, что Нина обожала Леонида, но что он не хотел изменить дружбе и для того удалился. Безрассудная в письме своем к нему заклинала его возвратиться, а в противном случае грозила отравить себя ядом... Эраст оцепенел от ужаса... Виновная супруга лежала у ног его без памяти... Видя смертную бледность ее, он забыл все и старался только привести ее в чувство... Нина открыла томные глаза свои. Не знаю, что она говорила Эрасту, но Эраст через несколько минут, прижав ее к своему сердцу, громко воскликнул: "Такое ангельское раскаяние милее самой непорочности; все забываю, и мы будем счастливы!.." В тот же день он написал к Леониду: "О друг верный и бесценный! Поступок твой затмевает добродетель Сципионову; но смею думать, что в подобных обстоятельствах я сделал бы то же!" Леонид в ответе своем изъяснил сожаление о домашней его неприятности и сказал, между прочим: "Женщины любезны и слабы, как дети; надобно многое спускать им; но какой благоразумный человек пожертвует старинным другом минутной их прихоти?"

Сердца нежные всегда готовы прощать великодушно и радуются мыслию, что они приобретают тем новые права на любовь виновного, но раскаяние души слабой не надолго укрепляет ее в добродетельных чувствах: оно, как трепетание музыкальной струны, постепенно утихает, и душа входит опять в то расположение, которое довело ее до порока. Легче удержаться от первой, нежели от второй вины - и бедный Эраст развелся с женою, ибо не все его знакомые, подобно Леониду, спасались бегством от прелестей Нины.

Мы видим несчастных мужей в свете и почти привыкли к ним, но если они чувствительны, то можем ли искренно не сожалеть об них? Мы любим плакать со вдовцом горестным; он счастлив в сравнении с мужем, который должен ненавидеть или презирать супругу!.. Эраст в отчаянии своем жаловался на судьбу, а еще более - на женщин. "Я любил вас пламенно и нежно, - говорил он, - умел быть постоянным для самых ветрениц, умел быть честным в самых нечестных связях, видел, как забываете ваши должности, но помнил свои, - и в награду за то, быв несколько раз оставленным любовником, сделался наконец обманутым мужем!" Эраст недели две плакал, недели две скитался один по окрестностям города, а там, желая чем-нибудь заняться, вздумал быть - автором.

Чувствительное сердце есть богатый источник идей: ежели разум и вкус помогают ему, то успех несомнителен и знаменитость ожидает писателя. Эраст жил уединенно, но скоро обратил на себя общее внимание; умные произносили его имя с почтением, а добрые - с любовью: ибо он родился нежным другом человечества и в творениях своих изображал душу, страстную ко благу людей. Призрак, называемый славою, явился ему в лучезарном сиянии и воспламенил его ревностью бессмертия. "О слава! - думал он в восторге сердца. - Я искал тебя некогда в дыму сражений и на поле кровопролития; ныне, в тихом кабинете, вижу блестящий образ твой перед собою и посвящаю тебе остаток моей жизни. Я не умел быть счастливым, но могу быть предметом удивления; венки миртовые вянут с юностию; венок лавровый зеленеет и на гробе!.." Бедный Эраст! Ты променял одну мечту на другую. Слава благотворна для света, а не для тех, которые приобретают ее... Скоро зашипели ехидны зависти, и добродушный автор нажил себе неприятелей. Сии чудные люди, которых он не знал в лицо, бледнели и страдали от его авторских успехов; сочиняли гнусные, ядовитые пасквили и готовы были растерзать человека, который не оскорбил их ни делом, ни мыслию. Напрасно Эраст вызывал завистников своих писать лучше его: они умели только изливать яд и желчь, а не блистать талантом. Эраст имел слабость огорчаться их ненавистию и писал к своему другу: "Узнав ветренность женщин, вижу теперь злобу мужчин. Первые извиняются хотя удовольствием: вторые делают зло без всякой для себя выгоды". - "Всего вернее, - отвечал ему, Леонид, - идти в свете большою дорогою и запасаться такими деньгами, которые везде принимаются. Служба есть у нас вернейший путь к уважению (которого сродно искать людям в гражданском соединении), а чины - ходячая монета; положим, что слава драгоценнее, но многие ли знают ее клеймо и высокую пробу? Это не монета, а медаль: один знаток возьмет ее вместо денег. К тому же дарования ума всегда оспариваются, и причина ясна: души малые, но самолюбивые, каких довольно в свете, хотят возвеличиться унижением великих. Но дело сделано, и ты стоишь на пути славы: имей же твердость презирать усилие зависти, которая есть необходимое условие громкого имени! Не только презирай, но и радуйся ей: ибо она доказывает, что ты уже славен". - Письмо Леонидово заключалось сими словами: "Я через месяц женюсь, чтобы избавить себя от хозяйственных забот. Женщина нужна для порядка в доме".

Эраст забыл свои авторские неудовольствия, чтобы спешить в П* к свадьбе друга... Они уже давно не видались, Леонид, несмотря на прилежность делового человека, цвел здоровьем; ибо всякая диететика начинается предписанием: "Будь спокоен духом!" Эраст, некогда прекрасный молодой человек, высох, как скелет; ибо "огненные страсти, по словам одного англичанина, суть курьеры жизни: с ними недолго ехать до кладбища". Любовь и слава питают душу, а не тело. Леонид, несмотря на свою холодность, с прискорбием заметил Эрастову бледность... Он не обманул друга и в самом деле женился только "для порядка в доме", заблаговременно объявив невесте условия: "1) ездить в гости однажды в неделю; 2) принимать гостей однажды в неделю; 3) входить к нему в кабинет

однажды в сутки, и то на пять минут". Она, исполняя волю отца, на все согласилась и строго наблюдала предписания мужа, тем охотнее что меланхолик Эраст жил в их доме, любил сидеть с нею у камина и читать ей французские романы. Иногда они плакали вместе, как дети, и скоро души их свыклись удивительным образом. Первые движения симпатии требуют откровенности: сердце в таком случае имеет всю догадку пронизательного разума и знает, что искренность действует сильнее самых красноречивых уверений в дружбе. Каллиста свела подробности Эрастовой жизни, неизвестные и мужу ее, - и чудно: она слушала Эраста с живейшим удовольствием, а Леонид - с холодностию. Платя доверенностию за доверенность, Кал-листа жаловалась ему на равнодушие Леонидово и сказала однажды: "Я хотела бы узнать безрассудную Нину, чтобы иметь понятие о женщине, которая не умела быть с вами счастливою!.." Но она уже и без слов объяснялась с Эрастом. Тронутая чувствительность имеет язык свой, которому все другие уступают в выразительности; и если глаза служат вообще зеркалом души, то чего не скажет ими женщина страстная? Всякая минута, всякое движение Каллисты доказывало, что Эрасту надлежало - удалиться! Он хотел себя обманывать, но не мог; ужасался быть любимым, но не переставал быть любезным; хотел навеки расстаться, но с утра до вечера видел Каллисту. Что ж делал между тем благоразумный Леонид? Занимался приказными делами. Однако ж холодные люди не слепцы - и бедному Эрасту в одно утро объявили, что он хозяин в Леонидовой доме!.. То есть флегматик наш без дальних сборов посадил жену в карету и благополучно уехал с нею из П*, написав следующую записку к другу: "Ты вечно будешь ребенком; а Каллиста - женщина. Знаю тебя и хочу спасти от упреков совести. Мне поручили кончить важное государственное дело за тысячу верст отсюда. Верный друг твой до гроба..." Читатели могут пощадить Эраста: угрызения совести довольно наказали его. Для нежного сердца все возможные бедствия ничто в сравнении с теми случаями, где оно должно упрекать себя. "Безрассудный! - думал он. - Я прельстил жену друга, который не хотел воспользоваться слабостию моей жены! Вот награда за его добродетель! О стыд! Я смел не удивляться ей и думал, что сам могу поступить так же!.." К чести Эраста скажем, что он не досадовал на Леонида за разлуку свою с Каллистой.

Судьба послала ему утешение. Он сведал, что тесть Леонидов имел важное судное дело и, по всем вероятностям, должен был лишиться своего имения. Эраст тайно дал на себя вексель его сопернику в большой сумме с условием, чтобы он прекратил тяжбу миром. Сия великодушная жертва тем более ему нравилась, что и Леонид и Каллиста были вместе ее предметом; он не хотел любить, но позволял себе жалеть о слабой женщине, которая для него забыла должность свою!

Эраст искал рассеяния в путешествии, пленительном в те годы, когда свет еще нов для сердца; когда мы, в очарованиях надежды, только готовимся жить, действовать умом и наслаждаться чувствительностию; когда, одним словом, хотим запасаться приятными воспоминаниями для будущего и средствами нравиться людям. Но душа, изнуренная страстями, -

душа, которая вкусила всю сладость и горечь жизни, - может ли еще быть любопытною? Что остается ей знать, когда она узнала опытом восторги и муки любви, прелесть славы и внутреннюю пустоту ее? - Эраст не имел удовольствия завидовать людям, ибо сердце его не хотело уже верить счастью. Смотря на великолепные палаты, он мыслил: "Здесь плачут так же, как и в хижине", - вступая в храмы наук, говорил себе: "Здесь учат всему, кроме того, как найти благополучие в жизни", - смотря на молодого красавца, счастливого нежными улыбками прелестниц, думал: "Ты оплачешь свои победы". Эраст воображал, что сердце его наконец ожесточилось: так мыслят всегда люди чувствительные, натерпевшись довольно горя; но, слушая музыку нежную, он забывался, и грудь его орошалась слезами; видя бедного, хотел помогать ему и, встречая глазами взор какой-нибудь миловидной незнакомки, тайно от ума своего искал в нем ласкового приветствия. Эраст иногда писал и внутренне утешался мыслию, что зависть и вражда умирают с автором и что творения его найдут в потомстве одну справедливость и признательность; следственно, он все еще обманывал себя воображением: разве холодные души не удивляют нас жаром своим, когда они терзают память бедного Жан-Жака? Злословие есть наследственный грех людей: живые и мертвые равно бывают его предметом.

Эраст возвратился в отечество, чтобы не оставить костей своих в чужой земле: ибо здоровье его было в худом состоянии. Он пылал нетерпением видеть друга, но помнил вину свою и боялся его взоров. Леонид, уже знатный человек в государстве, обрадовался ему искренно и представил молодую красавицу, вторую жену свою. Каллисты не было уже на свете: супруг ее, еще не скинув траура, помолвил на другой и ровно через год обвенчался. Эраст не смел плакать в присутствии Леонида, но огорчился душевно: Каллиста была последним предметом его нежных слабостей!.. Друг обходился с ним ласково, но не предлагал ему жить в доме своем!

Эраст думал посвятить остаток жизни тихому уединению и литературе, но, к несчастью, ему отдали медальон с волосами Каллисты и письмо, которое она писала к нему за шесть дней до кончины своей. Он узнал, что Каллиста любила его страстно, нежно и постоянно, узнал, что сия любовь, противная добродетели, сократила самую жизнь ее. Бедный Эраст!.. Меланхолия его обратилась в отчаяние. Ах! Лучше сто раз быть обманутым неверными любовницами, нежели уморить одну верную!.. В исступлении горести он всякий день ходил обливать слезами гроб Каллисты и терзать себя упреками; однако ж бывали минуты, в которые Эраст тайно наслаждался мыслию, что его хотя один раз в жизни любили пламенно!..

Он скоро занемог, но успел еще отдать половину своего имения Нине, сведав, что она терпит нужду.

Сия женщина, наказанная судьбою за неверность и тронутая великодушием супруга, оскорбленного ею, спешила упасть к ногам его. Эраст умер на ее руках, с любовью произнося имя Каллисты и Нины: душа его примирилась с женщинами, но не с судьбою!.. Леонид не ездил к больному, ибо медики объявили его болезнь заразительною; он не был и на погребении, говоря: "Бездушный труп уже не есть друг мой!.." Два человека

погребли его и с искреннею горестию оплакали: Нина и добродушный камердинер Эрастов...

Леонид дожил до самой глубокой старости, наслаждаясь знатностию, богатством, здоровьем и спокойствием. Государь и государство уважали его заслуги, разум, трудолюбие и честность, но никто, кроме Эраста, не имел к нему истинной привязанности. Он делал много добра, но без всякого внутреннего удовольствия, а единственно для своей безопасности; не уважал людей, но берегся их; не искал удовольствий, но избегал огорчений; нестрадание казалось ему наслаждением, а равнодушие - талисманом мудрости. Если бы мы верили прохождению душ, то надлежало бы заключить, что душа его настрадалась уже в каком-нибудь первобытном состоянии и хотела единственно отдыхать в образе Леонида. Он лишился супруги и детей, но, воображая, что горесть бесполезна, старался забыть их. - Любимою его мыслию было, что здесь всё для человека, а человек только для самого себя. При конце жизни Леонид согласился бы снова начать ее, но не желал того: ибо стыдился желать невозможного. Он умер без надежды и страха, как обыкновенно засыпал всякий вечер.